

Береги мечты с молодости

Минута СЛАВЫ

Ромфант для проснувшихся творцов

Евгения Хамуляк

16+

Евгения Ивановна Хамуляк

Минута Славы. Ромфант

для проснувшихся творцов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63619876

SelfPub; 2022

Аннотация

Совершенно необычные дети стали рождаться по всему свету. Они чудесные, видят мир по-новому, готовы к приключениям, борьбе. Если надо готовы отправиться даже в космос! И хотя их истории часто начинаются совсем несказочно, – невзгоды и потери делают их лучше, укрепляют веру в то, что несправедливая действительность ненастоящая. Настоящую же кто-то украл или намеренно портит. Ведь мир при рождении похож на сказку, значит, таким же он должен остаться и во взрослой жизни.

Дорогие читатели, перед вами 4 независимая часть приключений про чудесную девочку по имени Слава, подругу Славика Вселенского. В ее сердце столько творчества и добра, что она находит способ найти своего потерянного друга, хотя это практически невыполнимая задача. Ведь надо обойти весь свет и попросить каждого жителя земли о помощи. Но у волшебных ТВОРЧЕСКИХ детей, с сердцем и по сей день связанным с Большим и Прекрасным, есть сотни способов для любой невыполнимой задачи. Только нужно правильно задать вопрос.

Евгения Хамуляк

Минута Славы. Ромфант

для проснувшихся творцов

*Берегите мечты с молодости. Это не совет.
Это инструкция.*

Глава 1. Просыпаются Каи и Герды

– Ведьма! Ведьма!

– Открой! Помоги! – кричали люди.

– Ведьма!!!

И не спрашивая разрешения, врывались в резной дом, срывая толстенную деревянную дверь с искусно выкованных железных петель.

На такой крик и шум из дальней комнаты выбежала молодая женщина, одетая в летнее льняное платье, держа в руках расшитую цветами подушку. Видно было, что переполох и незваные гости застали ее врасплох за застиланием постели в этот утренний час.

– Василина, помоги! – неожиданно из толпы упал ей в ноги здоровый мужик. И не дожидаясь ответа, стал хвататься за подол ее платья, за ноги, целуя льняные тапочки с вышитыми подсолнухами. На все это время хозяйка резного до-

мика будто замерла в недоумении, наблюдая за толпой, шумящей в ее в горнице, обезумевшим здоровяком и вносимыми самодельными носилками, на которых лежала бездыханная девочка с лицом ангела и с черной обугленной грудью, словно кто-то выстрелил ей прямо в сердце.

– Василина, помоги! Заступница ты наша! – не унимался здоровяк. И только после этих слов хозяйка словно проснулась. Глаза ее заблестели, губы сжались в тонкие бордовые ниточки, щеки впали и побелели от ярости.

– Опять ты, Семен! – злобно прошептала молодая женщина еще минуту назад такая милая и симпатичная, а теперь и в самом деле похожая на ведьму из страшных книг со сказками. – Мало тебе с нашего последнего свидания стало?

– Знаю, знаю, – затараторил Семен, обливаясь потом и слезами, которые капали ему прямо на рабочую форму человека власти. – Обижал тебя незаслуженно в прошлом и ищек своих напускал. Только мы ведь поплатились тогда. Три креста на кладбище стоят, семьи скорбят по ушедшим... – и метнул взгляд за спину на друга, что держал носилки с ребенком.

– Кто меня обидит – тот три дня не проживет... – будто заговор повторила хозяйка и с удивлением посмотрела на слугу народа. – От чего ж это ты жив-здоровехонек остался... А ведь с топором на меня ходил!

– Не гневись, Богом тебя молю! Во всем разберемся потом! Только помоги сейчас! Заступница ты наша...

– Какая я тебе заступница!!! – еще злее прошипела женщина, неожиданно оказавшись в другом углу комнаты, подалее от подползшего здоровяка.

– Все оплачу! Все твои расходы, все потери... Дом, дачу, машину продам. В долг возьму – только помоги, Василинушка! На тебя одна надежда...

Люди зашептались за спиной, прослышав про топор да про наезды чиновника.

– Что защебетали?! Если б меня ваш начальничек со своими дружками укокошил, принесли б хоть цветочек ко мне на могилку? – закричала Василина и вдруг как засвистела, аж волосы дыбом у народа поднялись, и люди, будто подгоняемые этим свистом, стали из домика вываливаться.

– Те останьтесь, у кого сердце по-настоящему болит! – приказала страшным шепотом Василина. И людишки, как оловянные солдатики повыскакивали из дома в разные стороны. А она тем временем удачным броском точнехонько забросила подушку прямиком на вершину подушечьей пирамиды в другую комнату, чтобы ничего не мешалось в руках.

В комнате осталось четверо незнакомцев и бездыханная девочка.

– Зачем мне твои фантики, дурак! – Василина рукой отстранила достающего кошелек с деньгами Семена, усаживаясь на деревянную лавку у красивого стола. – Ты мне лучше скажи, кто тебя научил мои мины проходить? Ты как, паразит, торсионные поля пробил?! Магнитные катушки к чер-

тям разорвало. Знаешь ли ты, раб Божий, что мне теперь за ними в Мексику ехать придется? А хозяйство на кого брошу? Кто дом сторожить останется? – и в сердцах чертыхнулась, от чего нехорошо зажглись ее глаза.

– Все расходы оплачу, только спаси Славушку! – мужчина молебно сложил руки и со всей раболепностью, на какую был способен устался на разгневанную Василину.

– У нее сильные ожоги, сердце уже как час остановилось, – наклонилась она к Семену. – Здесь только может помочь чудо...

– За ним и пожаловали, – хором откликнулись гости, прильнув к бездыханной девочке.

– Что ж вы думаете, я вам – ваш Господь Бог, оживлять умерших умею? – иронично высказалась Василина и, теперь серьезно взглянув на девочку, задумалась.

– У тебя ж, Семен, никогда детей не было... Да и быть не могло. Вы с Тамарой, проклятые, гребете только под себя, кроме своих кошельков ни с кем не считаетесь. На тебе одном, – и она пригляделась к нему, будто подсчитывая что-то, – только сто пятнадцать грехов против совести, не считая трех смертных... А ты, Тамара, – и ведьма взглянула в заплаканное лицо молодой женщины, одетой и покрашенной по современному, – искромсала лицо, теперь тебя никакой род не признает. Чудо-юдо какое-то, а не баба! Может, только кикиморы решатся... Да и они народ приличный, уважают себя.

Василина посмотрела в потолок.

– Не должно быть детей. Что накопили за века прародители – вами все и растрчено.

Потом взглянула на еще одну пару.

– Мы крестные, – несмело отозвались те.

– Крестные... – издевательски передразнила Василина. – Где вы были, крестные? Ребенок полез на электростанцию...

– Она взрослая, умненькая, самая умненькая из всего класса! – стала оправдываться крестная, заламывая руки с длинными розовыми ногтями. – Но не как другие дети. Немножечко глупенькая что ли... Наивная. Все в сказки верила. Что может письмо отправить по электрическим проводам своему мальчику...

– Из детдома мы ее взяли, – стала дополнять Тамара, заламывая руки с точно такими же ногтями.

– И у вас на роду крест стоит, – всмотрелась лучше Василина. – Двести долгов перед совестью, перед законом, перед людьми, три погубленных судьбы... Да вы что тут?! Издеваетесь что ли?! Сломали мне катушки! Теперь любой дурак пожалует: кому приворожить, кого отсушить, болотной воды для денежного колодца налить!!!

Вскочила Василина и хотела уже засвистеть, чтоб прогнать из дома нежеланных гостей, но тут заметила что-то интересное, привлекавшее внимание... И забыв про свист, направилась к мертвой девочке.

Люди разошлись в стороны, хватаясь за руки в надежде

на чудо.

– Мертвая... а сердце бьется...

Семен ахнул.

– Не тот мускул, что ты сердцем зовешь.... А настоящее сердце, коих сейчас у людей не осталось. Оно после первого века жизни только появляется. Вам, короткоживущим, этого не понять. – И протянула руки с широко расставленными пальцами к бездыханному телу с черной дырой посередине, из которой белели детские обугленные кости.

– Спаси солнце, Василина. Если надо, жизнь мою забери. Но спаси Славушку.

– И мою забери.

– И наши, – горько вторила пара крестных.

– Ишь, что творится... – еле слышно обескураженно произнесла Василина, и неожиданно развернувшись, с большим удивлением посмотрела еще раз на людей, будто впервые их увидела и услышала.

На лицах присутствующих хранилась решимость пожертвовать собой.

– Видели люди, как ты по лесу гуляешь, животных после охоты оживляешь. Как с деревьями разговариваешь, как они, словно живые тебе отвечают, ветками машут... – трепетно пересказывал сплетни Семен. – Оживи и Солнце наше. Оно погаснет – все вокруг погаснет. Я без нее все равно не жилец. Как только мы с Тamarой ее из детского дома привезли, другая жизнь у нас началась. Права ты, раньше все себе хапал,

загробал. Сам не знал, зачем мне столько! А как Солнышко засветило – жить захотелось. Без денег, понимаешь?! Я ж уроки с ней делал... Мы даже с Тamarой ссорились, кто с ней больше времени проведет. Я отгулы брал, чтоб ее по паркам возить. В кино водить. Стал ей игрушки самолично стругать. Она уж больно деревянные буратинки любила, чтоб они как живые на ниточках двигались... Спаси! – и вновь с раздирающим криком бросился под ноги.

Зарыдали и остальные, не в силах поверить, что дочки больше нет.

Василина же, будто не слыша воя, с подозрением подошла к плачущему мужчине, подняла его смиренную голову, оттопырила веко и стала внимательно вглядываться в глаз.

– Святая Мара Превышняя! Каи с Гердами просыпаются... Что же это происходит такое сегодня? – озабоченно проговорила Василина и, отпустив бугая, в задумчивости побрела к столу, опять усаживаясь на лавку. – Давно, ведать, я в народ не ходила. А у вас там перемены неслыханные. В коем-то веке случалось, что б люди человеками становились, собой жертвовали ради чужого ребенка...

А потом обернулась и сказала:

– Есть способ девчонку из другого лока вытянуть, пока не затянуло окончательно. Сердце ее за эту жизнь цепляется, бьется пока. Но... у меня никогда не получалось этого сделать раньше. Я отца родного перетащить так и не смогла., – с суровой печалью проговорила Василина. – И цена уж очень

высокая. На это действие чужая жизнь, и может, не одна, уйти должна .

Люди закивали, соглашаясь со всеми условиями.

– Да и зачем она вам сдалась? Вырастет, повезешь ее по Кембриджам учиться, а она оттуда тебе женишка заморского привезет, от вида которого тебя инфаркт хватит... Поселятся в ваших хоробах, заживут трутнями, наворованное тобою годами растрачивая... – сказала Василиса скучным голосом, будто книгу бухгалтерскую со статистикой читала. – Вот и вся песенка. А мне влететь так может, всю душу перетрясет, – и, прищурившись, посмотрела на родителей.

– Неправда! Солнышко бы отсюда никуда не уехала, – отвечал Семен с просохшими глазами, чувствуя, как дает слабинку ведьма.

– Она б не уехала. У нее здесь жених имеется. Детдомовский, – подтверждала мать.

– Только об этом и судачила: мол, найду его, и сделаем мир лучше. Чтоб ни одного детского дома на земле больше не осталось, – вспоминала крестная.

– И так складно сказки свои рассказывала, мы уж сами представляли, как институт она местный управленческий закончит, как я ее в администрацию устрою, – смахивал слезу крестный.

– А потом бы и Славика ейного отыскали. Вот такую б свадьбку сыграли! – помахал мягким кулаком в воздухе плачущий отец. – И все вместе б навели в регионе порядок. За-

нялись бы беспризорными...

– Настоящее сердце в гробу будет еще долго биться, как вечная батарейка, хотя тело начнет разлагаться, и чем дальше, тем меньше шансов спасти, – четыре пары глаз с надеждой устремились на ведьму. – Четыре судьбы в расход пустить придется, чтобы заплатки наложить на дырку.

Лица родственников погрустнели, но не испугались.

– Что нужно от нас, не томи?

– Дело сложное... Если не выгорит, четыре... нет, пять мертвяков у меня в избе окажется. Придут вас искать и меня на дыбы сажать. А я без сил лет на пять, открытая всем злым ветрам останусь, – она сжала кулаки. – Поэтому в случае неудачи ее сердце себе возьму как батарею для обороны. Купол поставлю, чтобы лет пятьдесят меня никто не тревожил. Но чужое сердце без разрешения брать нельзя. Совесть равновесные силы потревожит, поэтому спрашиваю вас как попечителей, согласны на такой уговор?

– А если получится? – не павшим духом спросил Семен.

– Ну а если получится, она оживет, а каждый из вас помертвевает немного, ибо поплатитесь той частью души, что за чувства, радость, желание жить отвечают. Станете рабами бездушными. Манкуртами. Хотя вам и не привыкать собственно. Может, даже и не почувствуете разницу, – она скучно пожала плечами. – Останется у вас только два тела, физическое и родовое. Потому совесть вами командовать станет. И только служа роду и народу, от этого станете к жизни силы

черпать. Все пресно делается кроме сострадания к ближнему и желания помочь каждому встречному-поперечному.

Все четверо побледнели, но не запротестовали. И кивнули головами в знак принятия условий.

– Не все это... – и ведьма опустила глаза в пол. – Девочка у меня останется жить. Навсегда. Ибо ей в людское племя, краткоживущее, больше входа нет. Не будет она больше человеком в вашем понимании: станет мысли читать, сквозь стены ходить, все живое понимать, по воздуху летать. Не стареть... А за чудеса, Семен, ты не понаслышке знаешь какими средствами, топорами да винтовками, приходят расправляться, – и посмотрела на большую раму, в которой стояли черно-белые фотографии родных. Среди прочих фотография красивой женщины с пышной старинной прической, очень похожей на Василину. – Останется у меня жить и моей ученицей станет. Изредка, может, позволю навещать. Да только вы сами ее забудете скоро.

Родственники печально молчали.

– Небеса закрыты на замок. Ангелы уже давно не слышат наших молитв. Мой отец знал, как Верхний лок открывается. Да, вместе с его гибелью тайна открытия порталов ушла. Ваше Солнышко достать можно лишь через инферно поганое, оттуда силу вызывать придется. Найти помощника

среди чудищ адовых, кто сквозь миры гулять умеет, привести его сюда и... Если смогу устоять перед звериным соблазном сожрать вас с потрохами, – скрипнула зубами Василина, – то оживлю девчонку. Ну а если поддамся зову чудовищному расквитаться с людишками паршивыми, в аду гореть достойными, – и она нехорошо улыбнулась парочкам, – не ропщите! На то духи древние навные и заточены.

Молчаливые согласия были получены и Василина удалась в соседнюю комнату. Возвратилась оттуда с какой-то коробкой. И стала доставать и раскладывать неизвестный прибор, похожий на музыкальный, с металлическим гонгом посередине. Она привела его в действие и тот, словно маятник, стал раскачиваться в разные стороны, глухо ударяясь о звонкий металл.

Тун-тун-тун, – сначала заговорил маятник, потом успокоился, и вновь – тун-тун-тун, – с каждым разом чуть ускоряясь в полете. Василина покрутилась вокруг своей оси несколько раз, опустила голову на грудь, будто уснула, ее волосы разметались в разные стороны... И вдруг, заговорила с маятником, который теперь двигался несинхронно, на незнакомом языке,.

– Тун-тун-тун-тун, – стучал маятник, как будто отвечая Василине.

Смотреть на это зрелище становилось жутко, но родители,

лишь сглотнув горькую трусливую слюну, молча наблюдали.

– Что есть ведьма... – тихо произнесла Тамара, вслушиваясь в разговоры неживой игрушки и хозяйки избушки, – черная магия... – и от страха прикрыла рот, чтоб не закричать. Молодые женщины зажмурили глаза и крепко обнялись, предчувствуя нехорошее.

Наконец, ведьма нетвердой рукой сбросила прибор со стола и стала тяжело и шумно дышать в такт гонгу, который неподвижно валялся на полу, а звук его все слышался в воздухе. Не по-человечески выпуская весь воздух из легких, словно загнанное животное, Василина вдруг запела или завывала, словно звала кого-то. И чем протяжнее выла, стараясь как можно дольше тянуть зов, тем чернее становились ее глаза, устремленные в никуда.

Люди оторопели. Сначала послышался шум ветра и приближающегося сильного дождя, загремел гром. Из ниоткуда угрожающе каркнул ворон. А волосы Василины резким ветром отбросило назад. Лицо потемнело, под глазами образовались страшные тени, будто свинцовые тучи нависли над ней. Но молодая женщина, как и другие, все также находилась в комнате, под потолком, крышей, и за окном на улице небо переливалось чисто голубым. Василина взглянула наверх и прищурилась, словно увидала там стаю птиц.

Люди не могли оторваться от этого зрелища, тоже пере-

неслись в другой мир, в какой-то сказочный лес, звуки и жизнь которого оживали прямо на глазах.

– Услышала тебя. Нашла, – шепотом произнесла ведьма, и уже не походя на себя, по-собачьи бесшумно спрыгнула на пол, стала вылизывать себе руки, на глазах покрывающиеся серой шерстью. Из рта ее росли гигантские клыки страшного монстра.

Глава 2. Волчица

Через минуту перед Семеном стояла настоящая волчица, только раза в два больше положенного размера, с черными бесстрастными глазами, с животным нескрываемым аппетитом смотрящими одновременно в лица всех четверых еле живых от страха людей. Жертв. Волчица переминалась с ноги на ногу, как бы подготавливаясь к прыжку голодной хищницы.

Все замерли и боялись пошевелиться, и только Семен, в прошлом боевой офицер, силой воли указал руками на мертвую дочь, а потом склонился в поклоне перед оборотнем, недавно бывшим Василиной. Все последовали его примеру и распластались вперед, закрывая руками головы. Волчица ослабилась и зарычала, как бы не желая принимать подобное раболепие жертв. И помотав мохнатой башкой, протяжно завывла, призывая силы решиться на что-то. Вой заглушил все звуки леса и надвигающейся бури, остановил ветер. Лю-

ди окаменели, ожидая расправы.

Огромной лапой Волчица ударила по деревянному полу, который забугрился волной и, дотронувшись до человеческих истуканов, всколыхнул их. В тот же миг, так могло показаться сначала, от четырех фигур заструился пар. Он двинулся вверх, принимая силуэты лежащих на полу людей. Полупрозрачные копии переглянулись между собой и покорно, без страха шагнули вперед – туда, где лежала девочка. Друг за другом, будто зная что делают, они укладывались в нее, как в шкатулку, растворяясь в мертвом уже холодном теле.

Волчица сухо и быстро задышала, наблюдая и ожидая, когда закончится действие. И вновь ослабилась после его окончания, желая реализовать задуманное ранее. Приоткрыла волчью пасть, исходившую голодной слюной, чтобы ринуться вперед за своей заслуженной добычей. Как неожиданно треснулась о невидимую стену! И оглушенной отскочила. Нисколько не зло, а удивленно, всмотрелась в обстановку и, что-то поняв про себя, с опаской стала пятиться назад, уходя туда, где дул сильный ветер и намечалась разразиться буря.

Прошло значительное время, люди боязливо стали подниматься с колен, которые затекли от сковавшего их страха. Но в ведьминой светелке больше не было ни ужасного оборотня, ни сказочного леса. На лавке сидела Василина и задумчиво смотрела на Славу. Родные встали и молча ожидали дальнейших указаний.

– Возьмите вон тот ковер, оберните девочку в него и свезите на кладбище... Нет, на кладбище нельзя, там ее могут найти. Несите ко мне в подвал, – как ни в чем не бывало командовала уставшим голосом Василина.

– Получилось? Она оживет? – спросил Семен, и голос его дрогнул.

– Да, получилось, – так же спокойно отвечала Василина, будто произошло нечто обычное, что она проделывала каждый день. – Превращение займет около года. Может, чуть меньше. Девочка была сущим ангелом, долгов личных не накопила, за вас она уже одной смертью расплатилась. И как только проснется и освоится, мы придем навестить вас, чтоб не волновались. Пока живите спокойно. Теперь у вас начинается новая жизнь, по первости будет не до дочери.

Люди сделали, что просила ведьма. Мужчины отнесли все еще неживое на вид тело ребенка в подвал. И собрались уходить.

– Постой, Семен! – окрикнула Василина. – Солнце ваше и в самом деле расчудесное. С собой забрала половину долга. Успеете вернуть вторую половину до того, как истлеете, – родятся у вас и свои родные солнышки.

– Я понял, – сухо ответил Семен. – Спасибо тебе и до свидания.

Люди ушли, тихо прикрыв за собой дверь, оставив Василину в полной задумчивости сидеть на скамье.

Ее ждала куча дел. Но все это было неважным перед тем, что произошло только что. Это было необходимо осмыслить. Осознать. Узреть последствия. И главное, причины!

Василина возвращалась в день прошлый, недавнюю неделю, месяцы назад, которые помнила поминутно, но не могла найти ни одного сигнала, ни одной ниточки, которые привели бы этих людей, гонимых несчастьем через непроходимые леса, через топкие болота, наконец, через специальные устройства, делающие невидимым ее жилище для простых обывателей, живущих в двухмерном пространстве, к ней в пятимерное.

И тем не менее они пришли. Они были здесь!

Василина давно называла их «они», хотя формально они относились к одному виду человека только разной разумности и разного происхождения. И вот нечто стало происходить с этой разумностью, точнее полным ее недавним отсутствием, доведенным до дикарства и варварства.

Но что могло произойти? Каждый день она просматривала человеческие сводки информации. Повсюду шли войны, раздоры, были экономические и политические кризисы. Мир не поменялся ни на грамм за последние сто пятьдесят лет. Ровно столько, сколько жила Василина на этой земле. А тем не менее она что-то упустила. И опять перед ней всплыл образ Семена, в глазах которого зарождалось большое чело-

веческое сердце еще где-то на задворках несчастной оскотившейся души. Но уже бьющееся. Живое. Оно любило чужую мертвую девочку больше себя, больше денег. Оно любило просто так и желало спасти ее любой ценой.

Девочка. Василина представила себе ее образ с разных сторон, как голограмму, пытаясь соединиться с ее существом, чтобы увидеть лучше, как и где та появилась... и вдруг услышала:

– Я из детского дома. Из Крыма. Там очень красивое море. Хотя у вас тут тоже красивые озера. Когда меня везли в машине, я все видела. И главное, тишина какая! Никого, только коровки мычат и пчелки жужжат. Вы тут одна живете? – спросила Слава, робко появившись в дверях. Не решаюсь войти, но желая быть вежливой, она поздоровалась:

– Здравствуйте.

Василина продолжала сидеть молча, удивленно всматриваясь в ожившую девчонку.

– Я проснулась уже давно, но мне было неудобно там сидеть ... хоть вы и сказали, что я должна проспать один год, – девочка улыбнулась. – Кушать очень хотелось.

Василина привстала и быстро ринулась на кухню, где уже остывшей томила пшеничная каша.

– Я все ем, – продолжала разговор Слава, будто отвечая

на мысленные вопросы Василины. – Кто из детского дома – тот не избалованный, ведь там была очень простая еда. Но самая вкусная на свете! Я ее никогда не забуду. Со Славиком мы больше всего любили пшенную кашу с маслом... Почему Слава? – не знаю. Так написала моя мама, когда сдавала меня в приют. Да, и Славкина мама тоже. Да, это очень странное совпадение. Он был... и есть мой самый лучший друг на свете, – и девочка прослезилась, как это делала всегда, когда вспоминала о друге.

Василина молча накрыла на стол, а потом спросила уже вслух, так и позабыв поздороваться:

– Зачем ты полезла на электрический столб?

– Вам покажется это глупым, – Слава со стыдливой улыбкой уставилась в кашу.

– Это интересно, расскажи, – поддержала женщина.

– Мы договорились со Славиком, что когда-нибудь обязательно встретимся. И каждый день, просыпаясь утром и ложась спать вечером, я слышала как он передает мне приветы и говорит, что у него все хорошо. Но... не в этот день. Я не слышала Славика ни утром, ни вечером, ни утром... и подумала, что что-то случилось. А еще подумала, электричество почти мгновенно передает наш голос по телефонным проводам или изображение по телевизору, и мне захотелось обязательно передать ему сообщение, но ведь я не знаю его телефона, где он и что с ним. А электричество, оно повсюду, – Слава обвела комнату рукой, указывая на розетки. – Элек-

тричество должно было найти Славику в любом месте, – серьезно произнесла она.

– Логично, – ответила Василина, прибирая посуду. У девочки после смерти наблюдался отменный аппетит – отличный признак здорового организма. – Только если ты с этим электричеством умеешь обращаться.

– А я умею! – уверенно заверила девочка и хлопнула в ладоши. Вдруг по дому включились все электрические приборы, свет, заговорили телевизоры, радио, загудели лампочки. – Но почему в тот раз оно меня не послушалось..., – с досадой проговорила Слава.

Василина хлопнула в ладоши и дом утих. Слава восторженно взглянула на молодую женщину.

– Сколько тебе лет?

– Двенадцать, – тихо сказала Слава. – А что такое «Зеркало», Правовея? Вас же так зовут? Правовея...

Глава 3. Правовея

Василина вздрогнула и, удивленно обернувшись, улыбнулась Славе. Ее так не называли очень и очень давно, она даже успела позабыть одно из своих настоящих имен. Да и собственно не надеялась, что когда-нибудь кто-то окликнет ее по имени, данным отцом и матерью почти сто пятьдесят лет назад.

– Правовея, вы сказали маме и папе, что я умерла, это

правда? – грустно спросила девочка. – Я все слышала, когда... – она обернулась назад, на пол, где еще пару часов назад бездыханно лежала на самодельных носилках, связанных папой и его друзьями из своих пиджаков и рубаш. – Только почему-то не могла пошевелиться и ответить. Но все-все слышала и все-все видела. Вы же фея, да? Умеете разные чудеса творить? Славик говорил, что феи, водяные, кикиморы, богатыри существуют. Он мне даже обещал, что когда вырастет, обязательно найдет одного из них, чтобы познакомиться со мною. А ведь я совсем ему не верила. Хотя получается, что нашла настоящую фею раньше его. Жаль, что не могу похвастаться... И почему электричество не смогло передать моего сообщения? – угрюмо повесила голову девочка. – Я была уверена, что у меня получится...

– У тебя это обязательно получится, Слава.

Девочка внимательно посмотрела на молодую женщину, будто опять прочитав ее мысли, которые если б нужно было укладывать в слова, превратились бы в длинный разговор до вечера.

– Вы станете моей новой мамой? – неуверенно продолжала она выпрашивать самые волнующие ее сердце вопросы.

– У тебя уже есть мама и папа, и они замечательные, – улыбнулась Василина. – Я стану твоей подругой и наставницей.

– Вы научите меня превращаться в волка?

– Честно говоря, я сама попробовала это в первый раз, – призналась Василина. – Но я ее вижу часто во сне. Это моя другая сущность, живущая в мире древних духов.

– Значит, и у меня такая же есть? – восторженно спросила Слава.

– Конечно, я тебя всему научу, а потом... – Василина запнулась и замолчала.

– А потом... потом мне надо будет похоронить вас? – не поверила сама себе и услышанному обескураженная Слава. Василина же сверкнула глазами, в которых стояли ужас и изумление. Потаенные, самые глубинные мысли были доступны слуху девчонки.

– Ох, сколько же у тебя вопросов! – воскликнула молодая женщина и погладила девочку по голове, успокаивая. – А ведь тебе надо переодеться. С этими чудесами мы совсем забыли про время. И Марфуша, бедняжка, наверное, совсем заждалась, – спохватилась хозяйка домика, приходя в себя.

На старинных деревянных часах кукушки прокукукали пять часов вечера. Почти целый день пробежал, как полчаса.

Василина быстро сбегала в комнату, что-то отыскала в шкафу для новой подопечной, пока та осматривалась и все задавала и задавала вопросы.

– У вас очень милый домик. Теперь я здесь буду жить? А вы правда бы вырезали мое сердце и вставили в тот трактор, что сломали мои родители? Но я не обижаюсь, тетя Ва-

сила. Или лучше, Правовая? Я просто так спрашиваю, ради любопытства...

Василина с улыбкой выглянула из-за дверцы шкафа и сформировала мысленное послание девочке, сделав пасс руками, словно посылая воздушный поцелуй: ничего конкретного, общие установки о том, что все будет хорошо. Придет время и она обязательно ответит на все возникшие вопросы. И что Слава может чувствовать себя в доме Василины как родная, не смотря на все сказанное перед лицом ее родителей, что являлось правдой. Василина вложила в послание всю теплоту и искренность, попросив чуть подождать, когда все само по себе встанет на свои места.

Слава послушно кивнула, быстро переодеваясь в светлый халатик, снимая обуглившуюся одежду, под которой она была здоровая и свеженькая, будто только вышла из душа.

– Снимай сережки и крестик, все это надо будет сжечь. Тебе это больше не пригодится, – опять с добродушной улыбкой произнесла Василина.

– Я понимаю, – без печали согласилась девочка.

– Что ж, пойдем осматривать наше хозяйство, теперь оно и твое.

Слава приготовилась к тому, чтобы осмотреть, как гово-

рила Василина, новый дом и новое хозяйство, но к удивлению девочки, они вышли не в сад, а спустились в подвал, куда ее ранее отнесли родители. На полу по-прежнему лежал ковер, в который ее обернули, и Слава уже приготовилась задать новые вопросы, как в голове или в сердце, точно девочка не понимала, возникло то самое ощущение, что все вопросы до единого в свое время найдут ответы. Не надо торопиться.

Слава про себя обрадовалась: все-таки хорошо, что не нужно лежать в этом сухом подвале целый год, чтобы узнать эти самые ответы.

Тем временем Василина открывала какие-то шкафчики, поворачивала в них какие-то винтики и на глазах изумленной девочки, шкафы с полками задвигались как живые, трансформируясь вместе с дверцами и хранимыми там баночками с вареньем и консервами в огромный портал, который вдруг развернулся кабиной блестящего металлического лифта с яркой подсветкой, зазывая зайти и отправиться...

– Мы поедem вниз, под землю, – объяснила Василина. – Тебе придется многое узнать, Слава, и боюсь, это будут не самые приятные новости.

– С вами... – запнулась девочка.

– Давай на ты! Скоро ты увидишь, что я тебе – настоящий друг. И самое удивительное для меня, что я даже не мечтала найти такого хорошего друга как ты.

– С тобой, Правовея, мне ничего не страшно... и даже кажется, что исполнятся все мои самые заветные мечты, – Сла-

ва тепло прижалась к молодой женщине. – Ты же сможешь мне найти Славика?

– Все твои мечты сбудутся, Слава, и поверь, только потому, что ты этого хочешь, – Василина крепко обняла тоненькое взволнованное тело.

Лифт остановился, блестящие двери открылись, и Слава ахнула от удивления и восхищения.

Перед ними предстал огромный зал, точнее сводчатый холл, искусно выделанный красным кирпичом разнообразными сложными узорами, уходящими высоко в башни, сверху, наверное, покрытыми тоннами земли.

В таком зале не стыдно было б принимать царей и королей. Под большим потолком горели гигантские люстры, свет которых падал на пространство, похожее на какую-то космическую лабораторию или космический пульт управления с неизвестными машинами, странными устройствами, комнатами, действительно похожими на лаборатории, огромным аквариумом и дюжиной металлических блестящих рыцарей, которые, словно на посту, ровно стояли рядами, готовые вот-вот, по первому призыву, двинуться в бой с мечами и копьями.

– Что это?

– Мои мама и папа были учеными, – начала рассказывать Василина, направляясь в одну из комнат-лабораторий. – Отец – физиком, а мама – психофизиком, – она на ходу на-

девала халат для операций и точно такой же протянула Славе. – Теперь эти профессии называются алхимики и ведьмы.

Глаза Славы округлились от удивления, но она опять воздержалась от вопросов, потому что двери открылись, и она увидела большую корову, лежащую на операционном столе, и полностью забыла, что хотела спросить.

– Марфуша очень любит гулять, и я не могу отказать ей в этом праве, если уж сама живу тут без выхода в свет, – с сожалением объясняла Василина, надевая маску и нажимая какие-то кнопки на аппарате рядом. – Но опыты по вразумлению млекопитающих идут медленно и все время спотыкаются о ловушки для оскотивлевания и дебилизации людей, – Василина разговаривала со Славой будто со взрослой коллегой, и хотя девочка не совсем понимала ее слова, продолжала молча слушать, только про себя охая и ахая. – Подай вон тот шнур.

– С одной стороны, этот опыт приносит плоды, – Василина глянула на несчастную корову, закатившую глаза от наркоза, – мы находим все больше и больше этих ужасных приспособлений, от которых люди превращаются в злых обезьян, соответствующих господствующей наверху теории эволюции, а на самом деле, полной инволюции! За сто пятьдесят лет я своими собственными глазами наблюдала, как люди превращаются в настоящих животных, – женщина указала на множество экранов телевизоров, где беззвучно шли

телепередачи на разных языках мира. – А их дети уже рождаются хвостатыми и рогатыми. Таких тут же уничтожают или объявляют какую-нибудь новую неизлечимую болезнь: заячья губа, волчья пасть и прочее, чтоб не посеять панику и опять все вывернуть наизнанку. И за пятьдесят–семьдесят лет жизни простые обыватели естественно не видят в полном масштабе уровень своего одичания, которого еще сто лет назад не наблюдалось. Ведь короткая жизнь не позволяет запомнить и проанализировать историю, которую тут же переделывают и переписывают, – Василина обернулась на Славу. – Сейчас я тебе покажу одну вещь, но ты не пугайся, Солнышко, коровка не умрет.

И аккуратно каким-то приспособлением, похожим на ножик, только вместо лезвия у которого струился свет, стала разрезать корове хребет.

Слава зажмурилась, но через некоторое время все-таки открыла глаза, так как никто не крикнул и не замычал, а Василина уже доставала щипцами какую-то...

– Гадость, – только и могла вымолвить Слава.

Полупрозрачное желе, похожее на сопельки, только самодвижущиеся в щипцах, которые никак не хотели отрываться от тела коровы. И молодой женщине в халате пришлось повозиться, чтоб достать коварную слизь, которую она уложила на металлический поднос, где та вдруг собралась в какую-то причудливую форму на длинных ножках и зашагала опять в

сторону коровы.

– Ой, как слоник, – заметила Слава. – И ушки, и хобот. Какой он милый!

– Это называется гидра. Последнее поколение королевы цивилизации вредоносных грибков, которая поселяется в таких местах живого организма, что сразу и не отыщешь, а потом медленно подавляет волю своего носителя. Заставляет есть всякий мусор, каким питается сама, пока носитель не умирает от отравления и удушья от ее липких лапок и сосущих хоботков. , И гидра с пожитками, сотнями еще более вредных бактерий и вирусов, заготовленными как в чемодане для путешествия, ищет себе новый домик.

Слава отпрянула от полупрозрачного злого слоника, а Василина перетащила его в какой-то закрытый аквариум, где слоник превратился в грустную лужу.

– Догулялась, моя ты дорогая, – приговаривала Василина, тем же световым ножом проводя по надрезу, который на глазах закрывался и заживал, оставляя тонюсенький след-шрам.

Уже через полчаса корова открыла глаза и аккуратно слезла со стола.

– Придется с тобой проводить ликбез по питанию, – воспитательно проговорила Василина.

Корова что-то промычала в ответ и нежно прижалась к хозяйке. Славе показалось, что она поняла животное, как вдруг

услышала еще:

– Кт-о-о эт-о-о? – мычанье было долгим и грудным, как и положено коровам, но вполне различимым и понятным для слуха человека.

Слава захлопала глазами и хлопала бы так до бесконечности, если б Василина не подошла и не обняла ее, чтоб разморозить.

– В свое время млекопитающие по-разному, но пришли к разумности, пока не случилась первая катастрофа, потом вторая, третья, ввергшая всех нас в хаос. Люди сохранили лучше языковой способ общения, а животные, утратив его, больше сохранили шестое чувство. Но гидра и прочие паразиты не дают развиваться мозгу и сознанию ни человека, ни зверей. Я взялась учить Марфушу человеческому языку... – Василина и Марфуша хихикнули. – И учение шло бы лучше, если б кто-то не слизывал все подряд! – укоризненно произнесла хозяйка и корова опустила в пол свои огромные пристыженные глаза с пушистыми черными ресницами.

– Вку-у-у-у-с-но-о-о-о... – жаловалась та, тяжело вздыхая.

– Естественно! Как ты думаешь, они бы заставили таких дурачков, как ты съесть несъедобное и даже чистый яд?! Конечно, его посыпают какой-то гадостью, от чего слезы текут – так и хочется укусить и проглотить побыстрее.

Корова совершенно по-человечески поджала свои огром-

ные розовые губы, готовая вот-вот расплакаться от досады за свой неразумный поступок.

– Ладно, зато ты, моя шпионочка, принесла последний вид гидры... Мне кажется, я знаю противоядие, проверю его на этой гадкой твари, – Василина задумалась. – Если подействует, накормим этим местных лягушек и червей, они разнесут противоядие по всему водяному бассейну. По крайней мере, километров на сто – сто пятьдесят ни одно бесхребетное инопланетное проползти не посмеет.

Слава стояла ошеломленная и при этом очень счастливая.

– Столько чудес! – восхищенно произнесла она. – Твоя жизнь похожа на сказку, Правовея...

Василина пригляделась к новой подопечной и ласково произнесла:

– В последнюю вежу научу тебя летать, а потом пойдем спать...

– Летать? – переспросила Слава, округлив свои красивые светлые глаза.

– А разве это не твое самое заветное желание? Мне кажется, все девочки на свете мечтают летать, как ведьмочки?!

– Летать... и петь, – добавила Слава.

– Петь? – удивилась Василина.

– Пе-е-еть, – томно промычала Марфуша.

Королевский зал находился глубоко под землей, поэтому новости о том, какое время суток наверху, доносили огромные экраны телевизоров, без звука вещавшие о новостях из разных стран, а также гигантский циферблат, за пятнадцать минут одиннадцатого ночи оповестивший компанию о...

– Последняя вежа, на которой лучше всего научиться парить, – заметила Василина. Один из экранов замигал обратным отсчетом до ожидаемого момента.

– Вежа? – усмехнулась девочка. – Это как невежа? Про невежд я слышала, но про вежд ни разу.

– Да, тот, кто не знает веж, называется невежда, ты правильно подметила. Раньше этому с первого класса учили. Их знал даже новорожденный малыш. Стоит только знать часы, когда кварки выстраиваются в правильные формы...

– Кварки – это свинные шкварки на сковородке? – засмеялась Слава.

– Почти... – улыбнулась Василина. – Кварки, электроны, кванты, атомы – разве ты не слышала про них?

– Неа, – отрицательно покачала головой Слава.

– А в каком классе ты сейчас учишься, и что вы изучаете?

– Ну сейчас мы как раз изучаем дроби, чтоб знать, как числа делятся. Например, четверть яблока или одна десятая апельсина...

Василина недоуменно повела плечами: «Зачем?»

– По литературе пишем сочинение про «Грозу», ну что б... честно сказать, не знаю почему. Там очень грустная ис-

тория, наверное, чтоб нам грустно было, – хихикнула ученица. – А по истории сейчас идет очень интересная тема про Рюрика. Это тот викинг, который помирил наши враждующие народы. Иначе мы никак между собой не могли поделить землю и жить мирно...

Василина с недоверием посмотрела на Славу.

– А руны вы изучали? Раньше все дети сначала изучали руны, чтоб знать, как устроен мир и свое место в нем.

Девочка непонимающе замотала головой, впервые слыша это слово.

– Я знала, что дела обстоят плохо, но не настолько... Тогда тебе вдвойне будет интересно узнать, дорогая, кто такие кварки.

– Ку-у-у-у-ушаа-а-а-ать, – промычала Марфуша.

– Ох, ты, Боже мой, совсем забыла я про все на свете! Мы ж с утра ничего не кушали, и девочка моя совсем не кормленная, – погладила Василина корову и позвала за собой к резным дверям, таким огромным, что туда смело мог протиснуться огромный динозавр или войти циклоп. Наверное, их и строили для гигантов. Но каких? И когда?

Она легко открыла замок, чуть с нажимом отворила массивные двери, и чистый лунный свет, озаряющий всю округу, леса, поля, сады и чудесное озеро, притаившееся в плачущих ивах, ворвался внутрь, раскрашивая и королевское убежище Василины в серебристые тени.

– Ух, ты! Свой собственный сад и огород? Здесь, под зем-

лей?

– Да, это огромный грот. Его не видно сверху, зато, если смотреть снизу вверх, видно все.

Не смотря на то, что лунное небо находилось слишком высоко, наверное, метров тридцать или даже пятьдесят над головой, отсюда его совсем не было видно, но хватало чудесного лунного свечения, которое творило настоящее волшебство с этим летним вечером.

Марфуша, завидев раздолье, довольная побрела в поле, на ходу поедая сочную лунную траву.

– Пойдем вон к тем грушам, сейчас самое время, когда они и спелые и прохладные. Небольшое сладкое подкрепление, и ты забудешь про голод.

– Василинушка, а я и не проголодалась! С этими твоими чудесами я, наоборот, будто бы уже пообедала и поужинала на три дня вперед. И мне хочется петь... – Слава стала кружиться вокруг Василины, хватая ее за руки.

– Ты уже чувствуешь, Солнышко... – с удовольствием заметила ведьма. – Легкость. Кажется ли тебе, что ты сейчас будто взлетишь?

– Я уже как будто летаю, – подтвердила та.

– А теперь слушай меня внимательно, Слава. Сложи пальцы вот так, согни руки, чтоб получился угол этого дня и этого часа, который вот-вот вступит в силу, давая тебе на одну лишь минуточку почувствовать себя настоящей феей, чтоб

исполнить это желание, – показывала Василина как нужно сделать. – Закрой глаза, вдохни этот лунный свет, и теперь... Три! Два! Один! – повторила она за металлическим голосом компьютера, доносившимся из зала, будто при запуске спутника в космос. – Открой глаза и узри...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.